

Джеральд СМИТ

Иосиф Бродский: взгляд иностранного современника*

В мои студенческие годы в начале 1960-х русскую литературу преподавали преимущественно как мертвую. Мои учителя считали, что она умерла или, точнее, была уничтожена в 1917 г. Иосиф Бродский был неопровержимым доказательством ее существования, выживания, непрерывной преемственности и, что особенно важно, обновления.

Бродский начинал как представитель исключительно талантливого поколения интеллигенции, которое родилось в Советском Союзе между 1935 и 1941 гг. (к сожалению, тень славы Бродского заслонила остальных, не получивших должного признания). Он первым в своем окружении совершил уникальные поступки. В возрасте 15 лет порвал с советской системой образования, гарантировавшей формальное трудоустройство. Его первого из нонконформистов посталалинского периода подвергли репрессивным мерам, ставшим впоследствии обыденным делом: заключение в психиатрическую больницу тюремного типа (декабрь 1963 — январь 1964), арест и суд по сфабрикованному обвинению (1964), за которым последовала административная высылка (1964–1965). Он первым среди ровесников издал книгу за границей — сначала по-русски (1965), а потом по-английски (1973, причем с предисловием самого У. Х. Одена).

В 1972 г. он стал первым значительным литератором, покинувшим СССР в числе представителей «третьей волны» эмиграции.

* Английская версия статьи под другим заглавием опубликована: *Smith G. S. Joseph Brodsky: Summing Up // Literary Imagination. 2005. Vol. 7. No 3.* Везде в сборнике цитаты из произведений Бродского (кроме специально оговоренных случаев) приводятся по изд.: *Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. /* Общ. ред. Я. А. Гордина. СПб., 2001. При цитатах в скобках указываются том и страница.

Бродский не переставал повторять, что уехал помимо воли, а потому он скорее изгнанник, чем эмигрант; но этот вопрос, по всей вероятности, никогда не будет решен однозначно. Вскоре после приезда на Запад он первым из своего поколения начал публиковать серьезные литературные произведения, написанные им по-английски. Он также первым среди соотечественников нашел постоянную работу в англоговорящем мире, отказавшись от идеи профессионального поэта на советский лад и встав на обычный путь англоязычных писателей, зарабатывавших на жизнь преподаванием в университете. Он сделал это, несмотря на то, что являлся единственным, кто после Второй мировой войны, будучи первоклассным поэтом в англоговорящем мире, не имел высшего образования.

Бродский был первым русским писателем, достигшим равноправия с англо-американцами в большой литературной политике, и постепенно сделался нью-йоркским культурным гуру, который считал себя уполномоченным высказываться по поводу любого явления. Он первый и до сих пор единственный русский писатель, собравший самые высокие и значительные в финансовом отношении награды Западного мира; начало было положено Гуггенхаймовской премией, за ней последовала премия Макартура и как кульминация — Нобелевская премия по литературе, которая была присуждена в 1987 г., за три года до пятидесятилетия Бродского. Он получил орден Почетного легиона. Когда в 1991 г. ему вручили степень доктора по литературе в Оксфордском университете (заслужить ее труднее, чем стать обладателем Нобелевской премии), единственным его предшественником среди русских поэтов оказалась наставница Бродского — Анна Ахматова, которая удостоилась этой чести в 1965 г. (за год до смерти). Затем Бродский провел год в звании поэта-лауреата Соединенных Штатов — знак отличия, поразительный для человека, не являвшегося изначально носителем языка, родного для большинства жителей страны. Когда Бродский умер, он находился на пути к славе, которой до него достигали лишь те русские, чьи выразительные средства не были языковыми — вершиной, полагаю, был Стравинский, до него в какой-то мере Шаляпин, а после — Шагал; затем из представителей «третьей волны» современники Бродского: Ростропович, Нуриев и Барышников. Среди русских писателей, оказавшихся за пределами России, славу Бродского в определенных аспектах, но в уменьшенном виде и только к концу жизни превзошел Набоков. Действительно, Бродский не создал романа-бестселлера, но ни один русский поэт не смог приблизиться к тому, чего добился он. (Я не касаюсь интересного вопроса о сопоставлении Бродского с Солженицыным, а до него — с Толстым.)

Бродский заслужил широкое признание в первую очередь потоком стихов, в которых сразу проявился его незаурядный талант. В них была чувствительность, не подверженная давлению советских институтов позднесталинского периода и не связанная никакими интеллектуальными, идеологическими и стилистическими ограничениями. В них присутствовала обостренная интуиция, соединенная с бесконечно гибким, взыскующим разумом; их глубокий смысл передавался посредством изысканной поэтической техники, элегантная изобретательность которой казалась бесконечной. Смелые и звучные метафоры бросали вызов интеллекту и воображению читателя, а не оскорбляли его и не снисходили до него. Вместо усредненного стиля, допустимого в стандартном литературном языке, Бродский привнес в речь крайности стилистического спектра, синтез которых оказался исключительно плодотворным. Синтаксические и метрические единицы были разобщены до такой степени, что отношения между ними становились необыкновенно динамичными, непредсказуемыми. Он возродил классическую мифологию как источник обычной поэтической речи, по которой истосковались со времен Мандельштама и Цветаевой. Это был поэт, который еще в молодости беседовал на равных с великими тенями прошлого, особенно с теми, кого не знали или не замечали в России: Дж. Донн, Т. С. Элиот, У. Х. Оден. Лирический герой Бродского производит впечатление уравновешенного человека, утонченного и грубого одновременно; преследуемый сознанием всех обид, он тем не менее способен на глубокие чувства, даже страсть.

С момента смерти Бродского о нем иногда говорят как о последнем, кто явил образец глубоко почитаемой в русской традиции фигуры, — Поэте с большой буквы, избранном Богом говорить и страдать за народ. Крушение тоталитаризма означает, что поэты, пришедшие за ним, разделяют судьбу западных собратьев послеромантической эпохи и будут страдать более от невнимания, чем от преследований. Такое представление о нем, однако, принадлежит узкому кругу литературной интеллигенции, как и знание поэзии Бродского вообще. Это едва ли его вина, ибо от других крупных русских поэтов он отличается помимо всего прочего тем, что писал на протяжении тридцати лет, прежде чем его творчество пробилось к читателям в России. Он был поэтом, говорившим не от имени и для народа, но от имени и для немногих, и подобное отношение вряд ли изменится.

По официальной версии, не было никакой связи между Нобелевской премией и появлением подборки стихов Бродского в последнем номере «Нового мира» за 1987 г. Это была первая

публикация Бродского на родине с момента его изгнания. Гораздо существенней другое: за семьдесят лет советской истории это была первая публикация современного русского писателя — гражданина иностранного государства. Бродский, таким образом, стал свидетелем того, как его творчество преодолело запреты, выстроенные советской системой. Он, однако, отказался от следующего рекорда: не стал первым, кто вернулся в Россию или посетил ее как гость; ранее ему запретили приехать на похороны родителей, которым, в свою очередь, не позволили навестить сына в Америке — с повторными просьбами он не обращался. Бродский застал падение советской системы, но и после этого не вернулся.

Под конец Бродский достиг уровня международной известности, какого не достигал ни один русский поэт не только при жизни, но даже посмертно. Печальной издержкой этого стало ехидное негодование, особенно со стороны русских, оставшихся на родине. Менее пагубным, но таким же неприятным является то, что разговоры о беспрецедентном признании вызывают устойчивый интерес: рассуждать об этом легко, а потому этим занимаются чаще, чем анализом поэзии Бродского. Канонизация Бродского, особенно в России, предшествовала детальному и внимательному анализу его поэзии. Это совершенно естественно: люди охотнее концентрируют внимание на личности, чем на стихотворении. В случае с Бродским ситуация усугублялась еще по одной причине: наличие автокомментариев и распространение их через средства массовой информации. В период между 1973 и 1996 г. было опубликовано несколько сотен его интервью. Этот объем информации важен для исследователей Бродского, но имеет неизбежный недостаток: согласно требованиям жанра, поэту, как правило, задавали слишком общие вопросы, и он не мог дать развернутые комментарии по конкретным аспектам творчества. Еще значительнее то, что Бродский мог задавать условия собственной оценки; интервью и эссе используются скорее как инструменты интерпретации, чем как материал для нее.

В будущем биографы, вероятно, попытаются определить, кем был этот человек «на самом деле», осмысляя основную парадигму противоположностей: преследуемый изгнанник, чей жизненный выбор осуществлялся в основном внешними силами, или амбициозный карьерист, который выковывал новую судьбу для себя и потенциально для других советских интеллектуалов; скромный, даже способный к самоуничтожению человек, ошеломленный непостижимой славой, или чванливый эгоист, который настойчиво добивался признания; человек, наделенный глубоким религиозным чувством и не желающий высказываться на этот счет, или

умствующий циник, которому недостает душевной теплоты, чтобы исповедовать или поддерживать какую-либо веру без иронии; преданный и благородный друг или злопаятный и мстительный соперник; галантный любовник или женоненавистник, чье отношение к прекрасному полу было потребительским; все это постоянно или понемногу иногда, и т. д., и т. п.

Какой бы ни была его реальная биография, в центре поэзии Бродского находится герой, который настойчиво и безжалостно задается вопросами о природе и смысле своего существования, того, что его окружает, и взаимоотношениями между ними. Этот герой прекрасно осознает перечисленные выше противоречия характера, помимо многих других; возникающая в результате многослойная ирония — одна из самых выдающихся и сложных проблем для интерпретации поэзии Бродского. Несмотря на все самоуничижительные заявления («Меньше единицы» и т. д.), в его поэзии тем не менее создается, для меня по крайней мере, ни с чем не сравнимое ощущение уникальности личности, которая порождает, распределяет и контролирует всё, что есть в поэтическом тексте. И эта личность, оставаясь неизменной в некоторых отношениях, меняется и развивается в других. Характерно, что поэт, акцентирующий в стихах свою мужскую сущность, написал автобиографию, в которой прибегает к различным приемам отстранения, защищаясь от явного самораскрытия. Не буду давать беглый обзор, не говоря уже о том, чтобы зайти в теоретические дебри, окружающие этот вопрос. Отмечу только, что стихотворения Бродского свидетельствуют об исключительно умной и пронизательной личности с богатыми и живыми откликами на мир, остро ощущавшей жизнь всеми пятью чувствами и владеющей потрясающим даром русского слова. Поражительной была также его способность учиться, что для меня сближает его с Пушкиным. Он обладал огромной силой воображения, позволявшей развивать впечатления, полученные при помощи чувств, и воплощать их в художественных образах.

В поэзии Бродского стремление выйти за пределы наблюдения и описания соседствует с рассуждением о вещах, внеположенных личностному и физиологическому началу. Он постоянно делал широкие обобщения, касавшиеся времени, отношений человека и вселенной и многих других абстрактных явлений. Это привело к устойчивой оценке поэзии Бродского как «философской», понятию, дорогому русским интеллектуалам, едва ли внятному для других и, на мой взгляд, ошибочному. Утверждения о мире в стихах Бродского скорее поэтические, нежели философские; они движимы более соображениями эстетики, чем разума. Довольно несложно

(что стало обычной практикой, сбивающей с толку обсуждение творчества Бродского) извлекать наиболее эпиграмматичные высказывания из поэтического контекста, стыковать их между собой и рассматривать как целое. Такой подход, по-моему, в корне неверен. Высказывания, о которых идет речь, являются строками или фрагментами вербальных текстов; эти тексты следует анализировать как самостоятельные и целостные языковые единства, чье значение и ценность в том, как они структурированы на разных семантических и семиотических уровнях — т. е. как стихотворения.

Я полагаю, что этот поэтический корпус может быть понят, по крайней мере предварительно, как попытка отвергнуть или разоблачить несостоятельность постулатов советской доктрины, касавшихся природы и цели человеческой жизни в том виде, в каком они преподносились во время жизни поэта в Ленинграде. Мне представляется, однако, что оппозиционная настроенность Бродского относилась исключительно к общественной сфере, к официальной идеологии и гражданскому поведению. Хотя в этом отношении он, вероятно, принадлежал к меньшинству среди интеллигентов, его ценности как частного лица не были исключительными. По сути, он олицетворяет диссидентски настроенную часть интеллигенции постсталинской формации. Должен подчеркнуть, что это суждение основано на русском поэтическом материале Бродского и не соотносится напрямую с его жизнью, с утверждениями и мнениями за пределами поэзии.

Таким образом, русская поэзия Бродского озвучивает и пытается утвердить модель частной жизни мужчины как альтернативы советской доктрине с ее взглядом на человеческие отношения. Причем эта модель, изображающая вовсе не исключительную личность, была широко принята и воплощалась в среде русской интеллигенции, насколько я мог это наблюдать в России в 1960–1970-е гг. Я ни на минуту не допускаю мысль, что модель эта исключительно или ярко выраженная русская. Она имеет некоторые сходные черты с типом богемного поведения, распространенного в европейском и американском обществах. Ее отправная точка — презрение к политике и ангажированной общественной деятельности, которая воспринималась как безнадежно скомпрометированная и не заслуживающая серьезного внимания. Затем эта модель принимает черты аутсайдерского поведения: поношенная, псевдопролетарская одежда, небритость, но не борода, нерегулярное питание, предпочтение футбола хоккею; эта модель распространяется на выработанные условности вкуса — скорее проамериканские, чем проевропейские симпатии (кроме Италии, но включая Францию), предпочтение барочной музыки

и джаза оркестровой музыке XIX в., Достоевского Толстому. Однако Бродский не повел себя как некоторые из его современников и не принял православие, несмотря на постоянно используемые в стихах христианские образы.

В некоторых существенных отношениях тем не менее, особенно в частной жизни, мнения российских интеллектуалов, к которым принадлежал Бродский, не отличались от тех, которые пропагандировались официальной культурой и ее представителями. Мнения эти имеют глубокие корни и могут пониматься скорее как российские, нежели советские. Важнейший аспект, в отношении к которому официальное и диссидентское совпадали, это патриархальность, и Бродский не исключение. Он изображает женщин как низших по отношению к мужчинам во всех смыслах; удивительна только его бескомпромиссная последовательность. Она начинается с отчетливо проведенной границы между полами и недоверия ко всему, что за эту границу выходит. Для Бродского назначение женщин, в отличие от мужчин, — рождение потомства, уход за слабыми, страдание и стенания. Женщины могут также выполнять декоративную функцию: быть объектом мужского желания. Если они действуют или хотя бы стремятся к чему-то вне этих функций, то подвергаются осмеянию. Таким образом, женщины могут вдохновлять на творчество, но не могут заниматься им сами, кроме, возможно, тех случаев, когда они более не способны к деторождению и уже не обладают сексуальной привлекательностью. Более важной является мысль, что мужчины имеют право на сексуальную свободу, повышающую их собственную значимость; для женщин такое поведение непростительно и неискупимо. Это особенно относится к женщине-матери: в этом качестве от нее требуется святость, и любое отклонение от абсолютной верности дает право «оскорбленному» мужчине проклясть и изгнать ее.

Помимо патриархального отношения к сущности и социальной роли женщин, советская и контркультура провозглашали или, по крайней мере, потворствовали мужскому праву на широкий спектр поведения: спиртное, спорт, научные изыскания, создание культурных ценностей и прочие аспекты общественной сферы; поэзия Бродского полностью укладывается в эти представления. Характерно, что в русской критике о Бродском вышеупомянутые позиции, особенно касающиеся гендерных отношений, воспринимаются скорее как сами собой разумеющиеся, чем хоть в какой-то мере проблематичные.

Существует один очень важный вопрос, по которому позиция Бродского не совпадает с точкой зрения как официальной, так и неофициальной культуры, — это патриотизм. Любовь к роди-

не была фундаментальным компонентом советской идеологии, несмотря на марксистский интернационализм, вдохновлявший основателей государства. Многими диссидентами двигала мысль, что эта любовь была поругана; несмотря на очевидные злодеяния, совершенные от ее имени, диссиденты в большей степени, чем официальные лица, верят в превосходство России над другими странами. Возможно, наиболее радикальным элементом поэзии Бродского является отсутствие этой веры. Для него Россия не воплощает высшие духовные ценности; судя по его стихам, перемещение Бродского на Запад было переездом в лучшее место. Самое большее, что он делает, — переносит любовь к Родине на любовь к родному языку. Многие русские считают такое отсутствие показного патриотизма непростительным, даже предательством, и порицание Бродского как «нерусского» продолжается вот уже более тридцати лет. По-моему, это чрезвычайно высокомерное суждение, часто прикрывающее антисемитизм; однако нельзя отрицать, что он бесстрашно провоцировал возможность такой критики. Но это тоже становится делом прошлого: по моему опыту, молодые русские (я имею в виду двадцатилетних интеллектуалов) склонны восхищаться Бродским как первопроходцем транснационализма, первым, кто преодолел то, что они считают примитивным или атавистическим элементом своего национального мышления.

Если самым важным открытием для Бродского после 1972 г. была очная ставка с нерусской и несоветской реальностью, то самым важным бессрочным открытием — очная ставка с собственным телом. Новаторство Бродского в русской поэзии заключалось помимо всего прочего в том, что он обращал внимание и открыто обсуждал физиологический аппарат, который являлся если не носителем, то формирующей силой его сознания. Еще до отъезда из России, в тридцатилетнем возрасте, он оплакивал изнашивание этого аппарата. Он также начинал формулировать одну из своих наиболее устойчивых тем: превращение живой материи в нечто неодушевленное, плоти — в камень, т. е. разложение и окаменение. Усталая покорность, с которой он делал это, становилась более и более заметной. Остается открытым вопрос, была ли нарастающая нота нигилизма, которой отмечено его творчество в изгнании, результатом осознания того, что жить ему оставалось недолго, но этот вопрос должен быть поставлен с учетом произведений Бродского, особенно его последнего десятилетия.

Помимо патриархальности официальная культура и контр-культура в СССР разделяли мнение (чаще молчаливое безапелляционное утверждение или вера), что поэзия воплощает высшие ценности. Ради этих ценностей поэту надлежало жертвовать

благополучием своим и других людей, одновременно рассчитывая на их моральную и материальную поддержку. (Следует упомянуть, по крайней мере, одного крупного русского поэта, который не разделял этого, — Бориса Слуцкого.) Эта позиция была и остается в значительной степени нагружена сексистскими предрассудками: она относится к поэтам-мужчинам и едва ли к женщинам. Показателен случай Марины Цветаевой, которую до сих пор клеймят за «пренебрежение» долгом жены и матери во имя реализации поэтического призвания (и признания собственной полигамности), в то время как никому не пришло бы в голову обвинить поэта-мужчину в пренебрежении обязанностями мужа и отца.

Идея ценности литературы потянула за собой опасения правительств, внушенные потенциальной властью литературы, и вызвала потребность ее контролировать. Появились писатели, которые, подобно Бродскому, отказывались подчиняться этому контролю. Именно его вера в превосходство поэзии над другими искусствами и Поэта над другими художниками поразила западный литературный мир. На Западе эти взгляды получили смертельный удар во время Первой мировой войны и были добиты доказательством тщеты, абсурдности и безответственности искусства в целом, которое в связи с трагедией Холокоста лучше других сформулировал У. Х. Оден. Бродский, когда мы его встретили, продолжал проповедовать и провозглашать неистребимую веру в Слово. Угасание этой веры было самым важным и наиболее душераздирающим, даже трагичным обстоятельством последнего десятилетия его жизни.

Таким образом, Бродский последовательно развивал в поэзии определенные убеждения и ценности, но, как я утверждал выше, они не являются философскими, т. е. формирующимися путем рационального поиска. Они составляют эмоциональную реакцию на окружающие и психологические условия, в которых он родился, и они все больше превращались в ностальгию по этим условиям. Например, Бродский постоянно прославляет плоские, водянистые, бесцветные пейзажи с хвойными деревьями и классической архитектурой, особенно уходящие в даль колоннады, широкое небо, покрытое облаками; при этом пренебрегает горами, пустынями и яркими красками. Он предпочитает северные широты и холодный климат, его излюбленное время года зима, когда снег стирает физические следы человека так же, как это делают холодные воды океанов или наводнения. Он наделяет эти географические и климатические предпочтения не только эстетическим, но также моральным и этическим значением и делает попытку возвысить их до метафизической системы.

В некоторых деталях эти позиции, или предрассудки, глубоко оскорбительны для норм, провозглашаемых либеральными западными устремлениями. Некоторые из них, однако, превосходно сочетаются с распространенными русскими (и часто западными) мнениями. Например, параноидальная подозрительность и презрение Бродского ко всему мусульманскому и, шире, азиатскому или восточному представляет одно из проявлений этих позиций; между тем он не возражает против восточного сексизма и патриархальности. Он может даже высказывать презрение к западным славянам с языком, напоминающим стареющего Достоевского (особенно это относится к чехам и украинцам, исключение сделано для поляков, которые в 1950–1960-е гг. были в моде в ленинградских литературных кругах).

В ранних произведениях мысль Бродского часто обращается к различным формам иерархии и соревнования, порой проводя сравнение между предметами, относящимися, казалось бы, к несопоставимым категориям. (Однажды я вызвал возмущение замечанием о том, что мировидение Бродского порождено неутолимой жаждой к соревнованию.) Однако основной проблемой его поэзии, со временем выражаемой все отчетливее, было стремление к небытию, даже забытию — побег от собственной индивидуальности и, шире, человечества. Складывается впечатление, что Бродский предпочел бы родиться рыбой или птицей, обитающей в холодном северном море или небе. Это защитило бы его от бремени индивидуальности и истории. Бродский все больше наслаждался перспективой конца света (в результате естественной энтропии, а не ядерной катастрофы или другого рукотворного вмешательства), когда все вокруг станет холодным, темным, вечным, и Земля, потеряв особое положение, станет всего лишь еще одной мертвой звездой.

Даже принимая во внимание угрозу фрейдистского редуктивизма, мне кажется, эти взгляды произрастают из потери чувства безопасности в детстве и последующей неспособности найти ему замену в зрелости. Происходит поиск спасения от сложностей и болезненного неустройства, и даже больше — обязательств и ответственности, которые являются частью стабильных отношений между взрослыми людьми. Эти отношения, как мне представляется, стоят за единственной позитивно окрашенной темой, проходящей сквозь всю лирику Бродского, — стихотворения, которые он писал в канун Рождества во славу Святого Семейства с намеком на себя как единственного ребенка, обожаемого родителями, обожествляемого важными незнакомцами, обреченного на жизнь, исполненную славы через преследования, но при этом невинного и безупречного. Однако в мировидении Бродского нет

места идеи искупления; вот почему я думаю, что его никак нельзя считать христианином.

Это стремление к бегу от человечества приводит к появлению важнейшего поэтического тропа, который я назвал «обратной персонификацией»: одушевленное становится неодушевленным, а неодушевленное — одушевленным. Эту черту можно интерпретировать как крайнее выражение враждебности Бродского к материалистической философии советского государства, в частности и материалистической философии вообще: для него материя не фундаментальна и инертна, но более человечна (т. е. духовна), чем сами люди. Материализм Бродского негуманистичен: для него человек не мера всех вещей, в иерархии творения он ниже животных и материи. Возможно, это главная причина того, почему его поэзия не достигает уровня высших достижений человеческой культуры, тех, которые воплощают так называемый трагический взгляд на жизнь.

В произведениях, созданных Бродским после 1972 г., мнения, которые он вывез из России, столкнулись с убеждениями и поведением, вполне антисоветскими; причем в некоторых отношениях они были и остаются несовместимыми с публичными заявлениями и образом поведения русской интеллигенции поколения Бродского. Результатом этого стало укрепление убеждений, а не их сколько-нибудь значительное изменение. Хотя в настоящее время бытует мнение о его поэзии как нерусской в некоторых важных аспектах, я бы определил ее как в высшей степени и исключительно русскую.

Более сорока лет прошло с момента публикации в Вашингтоне первой книги Бродского; она продемонстрировала, что русская поэзия в России жива. Каждая последующая книга доказывала, что многообещающие перспективы и беспримерное признание поэта оправданы. Я избрал творчество Бродского своей темой из чувства глубокой благодарности ему за то, что поэзия эта обогатила мою жизнь, какими бы недопустимыми ни считал его некоторые высказывания. Чтобы читать Бродского в оригинале, необходимо преодолевать трудности русского языка, а такое говорят только о самых лучших писателях, которых дарит нам тот или иной язык.

*Авторизованный перевод с английского
Н. А. Веселовой*

